

Репрессивная политика в отношении детей в 1930—1950-х гг.

Научная статья
УДК 343.815(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122

Нормативно-правовая база репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних (1918—1958)

Кымбат Казалиевна Абдрахманова¹, Зауреш Галимжановна Сактаганова²

^{1,2} Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

¹ kimbat_abd@mail.ru

² zauresh63@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена советская нормативно-правовая база репрессивной политики в отношении несовершеннолетних. Проанализированы основные законы, постановления, а также иные директивные документы, раскрывающие суть и масштабы политики репрессий детей. Определены и охарактеризованы основные категории детей, подвергшихся репрессиям. Авторы выделили пять этапов формирования нормативной базы политических репрессий в отношении несовершеннолетних (1918—1958), где основным критерием стали законодательные документы, направленные на ужесточение или смягчение репрессивной политики в отношении несовершеннолетнего контингента. В заключение авторы пришли к выводу о том, что советскими органами была разработана специальная нормативно-правовая база под грифами «совершенно секретно» и «секретно», которая позволяла признавать репрессированных детей изгоями общества и воспитывать их жесткими методами в местах изоляции. Данная правовая база не соответствовала нормам и принципам международного права.

Ключевые слова: нормативно-правовая база, детский дом, воспитательная трудовая колония, детская беспризорность, детская безнадзорность, несовершеннолетние осужденные, дети ГУЛАГа

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН AP14871138 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан) на 2022—2024 гг.

Для цитирования: Абдрахманова К. К., Сактаганова З. Г. Нормативно-правовая база репрессивной политики советской власти в отношении несовершеннолетних (1918—1958) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 106—122. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122.

The repressive policy towards children in the 1930s—1950s

Original article

The regulatory and legal basis of the repressive policy of the Soviet authorities towards minors (1918—1958)

Kymbat K. Abdrakhmanova¹, Zauresh G. Saktaganova²

^{1,2} Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

¹ kimbat_abd@mail.ru

² zauresh63@mail.ru

Abstract. The article examines the Soviet regulatory framework of repressive policy towards minors. The main laws, resolutions, as well as other policy documents revealing the essence and scope of the policy of repression of children are analyzed. The main categories of children who have been subjected to repression are identified and characterized. Having systematized the available normative framework, the authors identified five stages from 1918 to 1958, where the main criterion was legislative documents aimed at tightening or softening the repressive policy towards the underage contingent. The authors conclude that the Soviet authorities had developed a special legal framework, classified as “top secret” and “secret”, which allowed repressed children to be recognized as social outcasts and brought up by harsh methods in places of isolation. This legal framework did not comply with the norms and principles of international law.

Keywords: legal framework, orphanage, educational labor colony, child homelessness, child neglect, juvenile convicts, Gulag children

Acknowledgments: The article was prepared as part of the implementation of the IRN AP14871138 project “GULAG Children: from the history of Kazakhstani camps and special settlements” (GF of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan) for 2022—2024.

For citation: Abdrakhmanova K.K., Saktaganova Z.G. The regulatory and legal basis of the repressive policy of the Soviet authorities towards minors (1918—1958). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):106—122. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-106-122.

Массовые политические репрессии вошли в историю XX в. как один из самых трагичных фактов советской эпохи. Жертвами репрессивной политики стали все слои населения, в том числе дети. Советской властью была разработана нормативно-правовая база, позволившая на законодательной основе осуществлять репрессии в отношении несовершеннолетних лиц. В данной статье мы (отойдя условно от общепринятого возрастного содержания понятия «дети») используем как синонимы термины «несовершеннолетние» и «дети», под которыми имеем в виду детей, подростков и молодежь до 18 лет.

Репрессированные несовершеннолетние, находившиеся в местах заключения (спецпоселения, исправительно-трудовые лагеря, детские колонии, приемники-распределители и др.), могут быть разделены на несколько категорий:

- 1) дети труд- и спецпереселенцев (депортированные/насильственно переселенные в Казахстан или другие места с семьей и/или родившиеся в местах депортации);
- 2) дети родителей, подвергнутых политическим репрессиям, в том числе родившиеся в ГУЛАГе;
- 3) дети из репрессированных крестьянских слоев населения, проживавшие в Казахстане или других местах;
- 4) дети, осужденные по ст. 58 УК РСФСР 1926 г.;
- 5) дети категорий «беспризорные» и «безнадзорные», оставшиеся таковыми в результате политических репрессий в отношении их семей, а также голода 1920—1930-х гг. и др.;
- 6) дети, осужденные по уголовным статьям УК РСФСР.

Объектом нашего исследования стали нормативные правовые документы, принятые преимущественно в отношении несовершеннолетнего контингента пяти первых категорий.

Отметим, что в толковом словаре С. И. Ожегова слова «беспризорный» и «безнадзорный» имеют разное содержание. «Беспризорный — бездомный, живущий на улице ребенок» и «безнадзорный — лишенный надзора, присмотра ребенок» [1]. Термины «детская беспризорность» и «детская безнадзорность» начали употребляться в официальных документах еще в 1920—1930-х гг. В 1920-х гг. зачастую эти термины употреблялись как синонимы, и четких разграничений в содержании данных понятий не было. Однако 8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР был принят декрет «Об утверждении положения о мероприятиях по борьбе с детской беспри-

зорностью в РСФСР», где беспризорными признавались дети до 16 лет, находившиеся в условиях, опасных для их физического или общественно-трудового развития. Это были круглые сироты, не имевшие старших братьев и сестер, которые могли бы принять на себя заботу о них; дети, потерявшие связь с родителями и родственниками; дети, изъятые постановлением суда или комиссией по делам о несовершеннолетних из семьи вследствие «преступной или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались, или вследствие злоупотреблений в отношении их родительскими правами»; подкинутые дети [2, с. 238].

В декрете были выделены еще две категории детей, нуждающихся «в мерах временной или частичной помощи и воспитания». Это дети, оказавшиеся безнадзорными вследствие тяжелой болезни или инвалидности, лишавшей полной трудоспособности родителей или лиц, у которых они воспитывались; дети, находящиеся на попечении одной только матери, лишеной всякого заработка и не получающей материальной поддержки от мужа, родственников или других лиц. Также были выделены дети, оказавшиеся безнадзорными/беспризорными вследствие временного отсутствия их родителей или лиц, на содержании которых они находились и воспитывались (в связи с лишением их свободы, нахождением в больнице на излечении и проч.) [2, с. 238].

Таким образом, под безнадзорностью понималось отсутствие над ребенком надзора, а под беспризорностью — отсутствие у детей постоянного места жительства, семейного или государственного попечения в результате смерти либо вообще отсутствия родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения.

На основе анализа законодательных и иных документов мы выделяем пять этапов формирования нормативно-правовой базы политических репрессий в отношении несовершеннолетних:

- 1) 14 января 1918 г. — 7 апреля 1935 г.;
- 2) 7 апреля 1935 г. — 7 июля 1941 г.;
- 3) 7 июля 1941 г. — 18 января 1945 г.;
- 4) 18 января 1945 г. — 24 марта 1956 г.;
- 5) 24 марта 1956 г. — 25 декабря 1958 г.

Главным критерием для нас послужили принятые нормативные документы, которые оказали влияние на изменение траектории (ужесточение/смягчение) репрессивной политики в отношении несовершеннолетнего контингента страны.

1 этап: 14 января 1918 г. — 7 апреля 1935 г. Этот период связан с установлением советской власти и началом формирования нормативной базы репрессий в отношении несовершеннолетних. Одним из первых документов принято считать декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» [3, с. 27]. Декрет состоял из шести статей, где было четко прописано упразднение судебных процессов и тюремных заключений для несовершеннолетних детей до 17 лет. Все дела по несовершеннолетним должна была вести специальная комиссия, которая включала в свой состав представителей таких ведомств, как общественное призрение, народное просвещение и юстиция, в количестве не менее трех лиц.

Постановление СНК РСФСР «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» от 4 марта 1920 г. внесло ряд изменений [3, с. 28]. В частности, была предусмотрена передача дел несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в народный суд, если к ним было невозможно применить медико-педагогическое воздействие.

В инструкции комиссии по делам о несовершеннолетних, принятой 30 июля 1920 г. Народным комиссариатом просвещения, Народным комиссариатом здравоохранения и Народным комиссариатом юстиции РСФСР, были прописаны следующие меры медико-педагогического воздействия:

а) беседа, разъяснение, замечание воспитателя; б) внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; в) определение на ту или иную работу; г) помещение в школу; д) отправка на родину; е) помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений; ж) помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц; з) передача несовершеннолетних вместе с делом в народный суд в случае признания недостаточными вышеуказанных мер: при упорных рецидивах, систематических побегах из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе [4].

Политические события (Октябрьская революция 1917 г., установление советской власти, Гражданская война 1918—1920 гг.) и социально-экономические процессы (политика военного коммунизма, ее последствия и др.) привели к резкому всплеску детской беспризорности. Масштабы распространения этого явления вынудили власть в январе 1921 г. создать Комиссию по улучшению жизни детей [5, с. 354—355].

1 июня 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, где в ст. 18 относительно несовершеннолетних указывалось: «Наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия» [6, с. 63]. К тем несовершеннолетним, которые все-таки подверглись уголовному наказанию из-за своих противоправных действий применялось обязательное смягчение: «1. Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежало обязательному смягчению наполовину против наивысшего установленного соответствующими статьями предела. 2. Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежало обязательному смягчению на одну треть против наивысшего установленного соответствующими статьями предела» [6, с. 63].

Если сравнивать постановление СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. с Уголовным кодексом 1922 г., то мы видим снижение возрастного порога ответственности и наказания в отношении детей с 18 до 16 лет [6, с. 63].

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в силу с 1 января 1927 г. [7] Данный кодекс был основным источником уголовного права для Казахской АССР, поскольку она до 1936 г. входила в состав РСФСР в качестве автономной республики. Несмотря на то что по Конституции 1936 г. была образована новая союзная республика — Казахская ССР, на ее территории по-прежнему продолжал действовать Уголовный кодекс РСФСР. Основная причина была связана со ст. 14 Конституции СССР, которая установила, что уголовное, а равно гражданское и процессуальное законодательство, относятся к ведению СССР [8, с. 13].

Особых изменений в Уголовном кодексе 1926 г. в отношении детей мы не наблюдаем. Как и в редакции 1922 г., в отношении несовершеннолетних от 14 до 16 лет меры социальной защиты судебно-исправительного характера были предусмотрены лишь в случаях, когда комиссией по делам о несовершеннолетних было признано невозможным применение к ним мер социальной защиты медико-педагогического характера. Смягчающие условия для несовершеннолетних в случае применения уголовного наказания остались те же. Не изменились условия и для несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы и помещенных в трудовые дома для несовершеннолетних. Они оставались там до исправления, но не дольше достижения ими 18-летнего возраста [9].

Постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР» установило пределы несовершеннолетия — от 15 до 18 лет. Согласно этому документу

несовершеннолетние правонарушители направлялись на воспитание в специальные школы фабрично-заводского ученичества особого типа [10].

В 1920—1930-х гг. советская власть планировала совершить быстрый экономический рост за счет подъема народного хозяйства и сверхиндустриализации. Для реализации этой идеи власти использовали имеющийся потенциал карательно-репрессивной системы. По мнению исследователей, перед властью стояла цель — создать систему принудительного труда, которая решала две задачи: уничтожение идеологических врагов и использование бесплатного труда [11, с. 65]. В этот период было подписано значительное количество нормативных документов, которые четко регламентировали условия, методы и способы уничтожения «врагов советского народа» и членов их семей с помощью таких мер, как лишение свободы, ссылка, высылка на спецпоселения и т. д. В этой связи хотелось бы отследить ряд законодательных документов, которые имели отношение к политике репрессий детей. Это постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [12, с. 126—130] и постановление ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 г. «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [13, с. 50—51], которые стали одними из основных документов при проведении политики коллективизации. В частности, в первом документе говорилось о немедленной высылке кулаков в отдаленные местности СССР. Члены семей кулаков, высланных (вторая категория кулаков) и заключенных в концлагеря (первая категория кулаков), при согласии местных властей могли остаться в своем районе проживания [13, с. 50].

Однако уже на следующий день, 2 февраля 1930 г., вышел приказ ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса», которым в постановление были внесены существенные корректировки [12, с. 163—167]. Во-первых, было предписано «массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества». Во-вторых, было отмечено, что «семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к высшей мере наказания, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств». В-третьих, «имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, что и у выселяемых семейств кулаков» [12, с. 163—167]. То есть если в документе от 1 февраля семьям выселяемых и заключенных кулаков давалась возможность при согласии местных властей остаться на месте, то согласно второму документу (от 2 февраля) вопрос о высылке не подлежал обсуждению.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» также затронуло детей [3, с. 119—120]. Данный нормативный документ, получивший в народе название «закон о трех (пяти) колосках», предписывал расстрел с конфискацией всего имущества или при смягчающих условиях лишение свободы на срок от 5 до 10 лет за хищение государственного имущества. К сожалению, государство пренебрегало тем фактом, что сельское население существовало в полуголодном состоянии, люди были вынуждены идти на воровство, чтобы прокормить себя и свою семью. Данным постановлением не было сделано исключения для детей.

В целом нормативная база против кулачества, принятая в начале 1930-х гг., в значительной степени способствовали приумножению армии беспризорных детей. До сих пор неизвестно количество детей, погибших от голода

и холода. Родственники, оставшиеся в живых, не всегда брали детей на попечение, так как голодали сами либо боялись преследований со стороны органов государственной безопасности.

Таким образом, период с 14 января 1918 г. до 7 апреля 1935 г. характеризуется усилением карательных мер в отношении несовершеннолетнего населения страны. С целью ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних неоднократно пересматривались не только возрастные пороги, но и меры наказания. Более жестокими были различные указы и постановления, принятые в рамках борьбы советской власти против кулачества. В большей степени они не только не соответствовали существующим основным нормативным документам (Конституция, законы, кодексы), но и кардинально шли с ними вразрез.

2 этап: 7 апреля 1935 г. — 7 июля 1941 г. Этот период связан с началом массовых политических репрессий, в том числе ужесточением репрессий в отношении несовершеннолетних. Насилие стало использоваться властью как одно из главных орудий для изменения общественного поведения. Постепенно избирательный террор против отдельных групп населения был сменен на крупномасштабные преследования целых социальных слоев общества и, как результат, «большой террор» 1937—1938 гг.

7 апреля 1935 г. за подписью председателя ЦИК СССР М. Калинина, председателя СНК СССР В. Молотова и секретаря ЦИК СССР И. Акулова было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [3, с. 182—183]. Данный документ привел к ужесточению мер в отношении несовершеннолетних, так как снизил возрастной порог уголовной ответственности до 12 лет. Дети, уличенные в совершении кражи, причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекались к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания. Как предписывал закон, все это делалось для быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Данное нововведение было внесено в ст. 12 действующего Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.) после подписания постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» от 25 ноября 1935 г. [14] Резкий рост численности беспризорников и безнадзорников требовал от государства открывать новые детские учреждения для разных категорий детей. К примеру, 31 мая 1935 г. постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» были введены новые типы детских учреждений: а) в ведении наркомпросов союзных республик — детские дома нормального типа для детей, лишенных средств к существованию, а также детские дома, содержащиеся на средства родителей, и детские дома для трудновоспитуемых; б) в ведении наркомздравов союзных республик — специальные детские дома для детей, которые нуждаются в длительном лечении; в) в ведении наркомсобесов союзных республик — специальные детские дома для инвалидов-детей; г) в ведении Наркомвнудела СССР — изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители [3, с. 184]. Как мы видим, государство четко распределило категории детских учреждений между Наркомпросом, Наркомздравом и НКВД СССР. При этом была строго прописана необходимость установить во всех детских домах и колониях в соответствии с возрастом трудовой режим, который должен был привить детям трудовые навыки и помочь овладеть определенной профессией. Всех детей старше 14 лет должны были направить в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и совхозучи или на промышленные предприятия, в совхозы, МТС, колхозы для работы и обучения в производственных бригадах [3, с. 184].

20 апреля 1935 г. прокурором СССР А. Я. Вышинским и председателем Верховного Суда СССР А. Н. Винокуровым был подписан циркуляр прокурорам и председателям судов о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним. Документ свидетельствовал: «Ввиду того, что применение высшей меры наказания (расстрел) может иметь место лишь в исключительных случаях и что применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть поставлено под особо тщательный контроль, предлагаем всем прокурорским и судебным органам предварительно сообщать прокурору Союза и председателю Верховного Суда СССР о всех случаях привлечения к уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых возможно применение высшей меры наказания» [15, с. 258].

9 июня 1935 г. был обнародован приказ НКВД СССР № 074 «О порядке применения постановления ЦИК И СНК СССР от 7 апреля 1935 г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних”» [3, с. 191—192]. Приказ был очень суровым и по современным меркам беспощадным. Он предписывал уголовную ответственность с применением всех мер уголовного наказания несовершеннолетних с 12-летнего возраста и старше в случае совершения краж, причинения насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попыток к убийству. Конечно, в приказе прописывалось, что сотрудники должны проявить максимальную чуткость и внимание к детям и т. д. Пункт 5 приказа прописывал, что нельзя подвергать аресту и привлекать в уголовном порядке тех несовершеннолетних, которые совершили незначительные преступления (например, кражи конфет, фруктов в саду, овощей на огороде и т. п.) впервые, в силу детского озорства и не являются рецидивистами [3, с. 192]. Однако, учитывая, с одной стороны, колоссальный наплыв беспризорников, с другой — период «бдительности» и повышенной подозрительности, думается, что сотрудники НКВД не всегда детально разбирались с обстоятельствами каждого дела. Их основной задачей было разгрузить детприемники и распределить детей по детским учреждениям.

23 июля 1935 г. всем начальникам отделов трудовых колоний НКВД союзных республик и УНКВД краев, областей было разослано распоряжение наркома «О типизации трудовых колоний НКВД» [3, с. 194—195]. В документе под грифом «совершенно секретно» НКВД СССР установил следующую типизацию трудовых колоний: 1) трудовые колонии обычного типа, отдельные для мальчиков и девочек; 2) трудовые колонии с особым режимом для мальчиков и девочек; 3) изоляторы для подсудимых в тюрьмах, находящиеся в системе общих мест заключения (ОМЗ).

Согласно положению «О трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних» от 29 июля 1935 г. несовершеннолетние преступники в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорные в возрасте от 14 до 16 лет содержались в трудовых колониях, основной задачей которых было трудовое воспитание. Причем было установлено четкое разделение на членов и кандидатов колонии. Членами колонии считались те несовершеннолетние, которые выполняли производственное задание или принимали активное участие в общественной жизни колонии. Все остальные — кандидаты в члены колонии [3, с. 195—197].

К 1937 г. репрессивная машина непосредственно коснулась женщин и детей. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. было принято предложение НКВД о заключении в лагерь на пять-восемь лет всех «жен изменников родины». Было дано предписание об организации специальных лагерей на территории Нарымского края и Тургайского района Казахстана. Дети репрессированных родителей в возрасте до 15 лет брались на государственное обеспечение в детские дома и закрытые интернаты. Вопрос с детьми старше 15 лет решался индивидуально [3, с. 229—230].

Спустя месяц, 15 августа 1937 г., наркомом НКВД СССР Н. И. Ежовым был подписан приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины», который стал одним из самых первых документов, регламентирующих наказание детей «врагов народа» [3, с. 234—238]. Следует отметить, что приказ НКВД способствовал резкому увеличению арестов женщин, а вместе с этим росту безнадзорного и беспризорного контингента. Институт семьи претерпел колоссальное разрушение, так как дети остались не только без родителей, но и без родных братьев и сестер. Преднамеренное предписание НКВД о содержании детей в разных детских и исправительно-трудовых учреждениях привело к потере семейной связи. Сконцентрировав большой контингент заключенных женщин и беспризорных детей, власти имели возможность привлекать их к принудительному труду.

В пик массовых политических репрессий 1937—1938 гг. произошел резкий рост числа детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим государственная власть на высшем уровне утверждает нормативные карательные документы, которые предусматривали распределение детей после репрессирования их родителей. Это циркуляр НКВД СССР от 7 января 1938 г. «О порядке выдачи на опеку родственникам детей, родители которых репрессированы» [3, с. 275—276], циркуляр НКВД СССР от 20 мая 1938 г. «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» [3, с. 298] и т. д.

Органами НКВД также были разработаны правила передачи несовершеннолетних детей в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей. Для придания этим порядкам нормативного статуса 9 января 1938 г. под грифом «секретно» был подписан приказ НКВД СССР «О порядке направления несовершеннолетних в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей» [3, с. 276—278].

Согласно приказу НКВД СССР от 1 апреля 1938 г. № 054 «О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа НКВД», если осужденный (достигший 16 лет) был ударником на производстве, отличником учебы и в быту с неоконченным сроком наказания до двух лет, то его оставляли в трудовой колонии до конца срока наказания. Но если осужденный несовершеннолетний не был ударником, то его переводили для отбытия оставшегося срока наказания в места заключения УНКВД и НКВД или в лагеря в зависимости от характера совершенного им преступления и оставшегося срока наказания [3, с. 282—283].

В пик массового террора в законную силу был введен циркуляр народного комиссара внутренних дел СССР от 20 мая 1938 г. № 106 «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» [3, с. 298]. Согласно циркуляру дети репрессированных родителей от 15 до 17 лет включительно, которые не несли своим поведением социальную опасность и не проявляли антисоветские и прочие настроения, могли быть переданы (при их наличии) нерепрессированным родственникам на полное иждивение. Если таковых родственников не было, то детей в возрасте от 15 до 17 лет помещали в детские дома в пределах области, края, республики (за исключением мест, где были репрессированы их родители), дав им возможность окончить среднее учебное заведение.

Согласно приказу наркома НКВД СССР от 17 октября 1938 г. № 00689 произошли изменения приказа от 15 августа 1937 г. № 00486. Новая редакция предписывала: «1. В дальнейшем репрессировать не всех жен арестованных или осужденных изменников родины, врагов народа, правотроцкистских шпионов, а только тех из них: а) которые по имеющимся материалам были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей; б) в отношении которых органы НКВД располагают данными

об их антисоветских настроениях и высказываниях и которые могут быть рассматриваемы как политически сомнительные и социально опасные элементы» [3, с. 307]. Данный приказ ввел некоторое послабление, так как был отменен пункт об обязательности ареста жен «врагов народа» одновременно с мужьями.

Массовые репрессии были несколько приостановлены после публикации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [15, с. 305—308]. Во всех перегибах были обвинены так называемые враги народа, которые «пробрались» в органы НКВД и прокуратуры. Органам НКВД и прокуратуры был предписан запрет производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению, также были ликвидированы судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР. Постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. означало лишь формальное завершение политических репрессий в СССР. Безусловно, репрессии уже не имели массового характера, как в 1937—1938 гг., однако в стране по-прежнему продолжались преследования и аресты, а общество жило в атмосфере страха, «бдительности» и доносительства.

15 января 1939 г. за подписью наркома внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 1-го ранга Л. Берии был опубликован циркуляр № 7 «О порядке выдачи справок о детях репрессированных», который впервые разрешил на общих основаниях переписку между детьми, находящимися в детских домах, и их родителями, отбывающими наказание в тюрьмах и лагерях [3, с. 309].

После «большого террора» в приказе НКВД от 7 октября 1939 г. № 0335 «О пересмотре решений бывших троек НКВД, УНКВД по делам о несовершеннолетних преступниках» были осуждены решения троек НКВД, принятые в 1937—1938 гг. [3, с. 316] Было установлено, что в трудколониях НКВД СССР содержалось значительное количество несовершеннолетних, осужденных бывшими тройками НКВД, УНКВД без достаточных оснований. В связи с этим начальникам трудовых колоний НКВД СССР было приказано составить списки всех содержащихся в колониях несовершеннолетних, осужденных тройками, и направить их в НКВД республик, УНКВД краев и областей.

Таким образом, на данном этапе репрессии в отношении детей были prerогативой карательно-репрессивных органов. Законодательная база позволяла применять все меры уголовного наказания к детям с 12-летнего возраста. Начиная со второй половины 1930-х гг., количество нормативных документов возросло из-за усиления идеологической войны против депортированных, спецпереселенцев, репрессированных по политическим статьям. Власть изменила отношение к людям данной категории, они автоматически лишались всех прав. Детский принудительный труд стал главным средством воспитания беспризорных и безнадзорных детей.

3 этап: 7 июля 1941 г. — 18 января 1945 г. Этап, совпадающий с периодом Великой Отечественной войны, характеризуется кульминацией репрессий в отношении несовершеннолетних. Появились так называемые новые враги — различные приграничные народности, а также люди, попавшие в плен или вынужденно оказавшиеся на оккупированных территориях, и т. д. Документы, принимаемые властью в отношении детей, с одной стороны, были направлены на строгое наказание за любые проступки, с другой — на заботу и защиту.

7 июля 1941 г. был подписан один из антигуманных указов Президиума Верховного Совета СССР в отношении детей — «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних“», пересматривающий условия наказания. Если по постановлению от 7 апреля 1935 г. детей с 12 лет

могли привлечь к уголовной ответственности только по умышленным мотивам, то данный указ обязывал судить детей по всей строгости уголовного законодательства за преступления, совершенные по неосторожности [16].

Тяготы Великой Отечественной войны, а также колоссальные потери стали поводом для появления постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [3, с. 376—377]. Постановление обязывало все структуры власти обустроить детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность. С этой целью при исполкомах должны были создаваться комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. НКВД СССР обязано было заниматься выявлением безнадзорных детей и размещением их в своих приемниках-распределителях. При этом в детские приемники-распределители направлялись дети в возрасте до 15 лет включительно на срок не более двух недель. Далее, в случае невозможности возвращения детей родителям, дети до 14 лет направлялись через органы народного образования в соответствующие детские учреждения или определялись на патронирование, а дети старше 14 лет устраивались приемником-распределителем НКВД СССР по разверстке наркомпросов республик на работу в промышленность или сельское хозяйство. Дети в возрасте до трех лет включительно, поступавшие в приемник-распределитель, должны были немедленно направляться через местные органы здравоохранения в детские учреждения или на патронирование. Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР было разрешено производить набор детей из детских домов и детей, оставшихся без родителей, от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах с соблюдением правил приема. Наркомпромы республик должны были направлять на работу в промышленность и сельское хозяйство детей старше 14 лет, находившихся в детских домах, за исключением детей, поступавших в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Таким образом, данным постановлением, с одной стороны, предписывалось оказывать помощь и заботу несовершеннолетним, оставшимся без родителей, а с другой — принудительно трудиться на промышленных и сельскохозяйственных объектах.

Циркуляром НКВД СССР № 208 «О трудовом режиме несовершеннолетних заключенных, содержащихся в трудовых колониях для несовершеннолетних, в исправительно-трудовых лагерях и общих колониях» от 22 апреля 1943 г. для детей-заключенных были установлены нормы суточной работы на производстве и в учебных мастерских: 4 ч — для несовершеннолетних заключенных в возрасте от 12 до 14 лет; 6 ч — для детей от 14 до 16 лет; 8 ч — для подростков от 16 до 18 лет [3, с. 380].

15 июня 1943 г. было опубликовано очередное постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» [3, с. 383—384]. Документом было предписано с 1943 г. открыть дополнительно трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. Также планировалось к 1943 г. довести общее число мест для несовершеннолетних во всех колониях НКВД СССР до 50 000. В постановлении были оговорены основные условия приема в трудовые воспитательные колонии. По возрасту — дети от 11 до 16 лет. По категориям: а) беспризорные дети, вообще не имевшие родителей или длительное время жившие без родителей и без определенного местожительства; б) дети, задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным; в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме.

Также всем государственным структурам были даны предписания по работе в данном направлении. В частности, НКВД СССР, Прокуратуре СССР и Наркомюсту СССР было поручено издать инструкцию о порядке направления детей и подростков в трудовые воспитательные колонии и сроках их содержания. Наркомюсту СССР — дать указание судам об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних и обеспечить своевременное рассмотрение дел в судах. НКВД СССР — повсеместно в составе дорожных отделов милиции организовать отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. Наркомпросу — выделить учителей и обеспечить учебными принадлежностями и т. д.

Практически сразу после выхода постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. были разработаны и опубликованы дополнительные нормативные документы: инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г. № 326/52/45 «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых и воспитательных колониях НКВД СССР» [3, с. 384—387], а также приказ НКВД СССР от 21 июня 1943 г. № 0246 «Об организации отделов (отделений) по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и о создании трудовых воспитательных колоний НКВД» [3, с. 387—390].

Необходимо отметить, что принятие этих приказов и инструкций подтверждает политику ужесточения репрессивного режима в отношении несовершеннолетних. Во-первых, изменился возраст приема в колонии — с 11 лет, тогда как ранее было с 12 лет. Для сотрудников НКВД упростилось делопроизводство по ведению незначительных преступлений. Если ранее возбуждалось уголовное дело, то теперь сразу отправляли на принудительный труд. Эта мера не только лишила подростков возможности оправдаться, доказать свою невиновность, а впоследствии значительно усложнила им процесс реабилитации. Это еще раз доказывает, что государство максимально использовало бесплатный детский принудительный труд.

Поскольку именно в годы войны наблюдался резкий рост численности беспризорных, безнадзорных несовершеннолетних, а также детей в стенах ГУЛАГа, советское законодательство пополнилось существенным количеством нормативных документов, направленных не только на ликвидацию беспризорности и безнадзорности, но и на регулирование процессов нахождения детей в карательных и воспитательных учреждениях. К примеру, постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов», приказ комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР от 13 сентября 1943 г. № 95/591 «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД» [3, с. 390—393] и т. д.

Таким образом, на данном этапе стратегическая политика советской власти была направлена на увеличение численности детей, подростков и женщин в пенитенциарной системе. Детей с 11 лет принудительно заставляли работать на промышленных и сельскохозяйственных объектах. У каждой возрастной группы была своя часовая норма отработки. Детский труд был настолько выгоден для государства, что практически ежегодно давались планы не только по увеличению контингента, но и расширению сетей детских трудовых и трудовых воспитательных колоний.

4 этап: 18 января 1945 г. — 24 марта 1956 г. Этап связан со смягчением репрессивной политики в отношении детей, а также разработкой государственных мер, направленных на улучшение их содержания.

К концу войны государство пошло на незначительное смягчение режима в отношении женщин и детей. 18 января 1945 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных бе-

ременных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста» [3, с. 426]. От дальнейшего отбывания наказания в местах заключения были освобождены осужденные беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей дошкольного возраста, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства по закону от 7 августа 1932 г. и рецидивисток. Также освобождению подлежали женщины, у которых в семье имелись дети дошкольного возраста, при условии отбытия ими к моменту издания данного указа половины срока наказания, за исключением осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства по закону от 7 августа 1932 г., и рецидивисток. Однако в указе было прописано, что в случае совершения женщинами новых преступлений они подвергались наиболее суровой мере наказания, предусмотренной законом.

С середины 1940-х гг. государство принимает ряд мер, направленных на улучшение функционирования учреждений и структур, которые работали с несовершеннолетним контингентом. В частности, распоряжение НКВД СССР от 29 января 1946 г. «О проверке в детских приемниках-распределителях НКВД документов о передаче детей родным, в детские дома, а также расходных документов, представляемых эвакуаторами по перевозке детей»; директива НКВД СССР от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью»; приказ МВД СССР от 25 апреля 1947 г. «О мероприятиях по выполнению постановления Совета Министров СССР „Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей”» [3, с. 450—451, 466—467] и т. д.

Также были приняты нормативные документы о поощрении воспитанников колоний. 27 ноября 1947 г. была опубликована директива МВД СССР № 119 «Об условно-досрочном освобождении из детских трудовых колоний», в соответствии с которой воспитанникам, показавшим хорошие образцы поведения в колонии на производстве, в школе, в быту, могли разрешить условно-досрочное освобождение и сокращение срока наказания [3, с. 272].

Острая нехватка квалифицированных специалистов во всех сферах послевоенного экономического производства требовала дополнительных рук. С этой целью был издан приказ МВД СССР от 22 апреля 1946 г. № 157 «О производственном профиле в детских трудовых и трудовых воспитательных колониях МВД СССР», который регламентировал с 1 августа 1946 г. произвести перестройку производства во всех трудовых и трудовых воспитательных колониях по Союзу на определенный профиль [3, с. 453].

21 февраля 1947 г. всем МВД республик и начальникам УМВД по краям и областям от министра МВД СССР под грифом «секретно» была отправлена телеграмма, обязывающая их передать из приемников-распределителей, из детских трудовых воспитательных колоний подростков в возрасте 16—17 лет, неосужденных и не подлежащих дальнейшему содержанию в колониях [3, с. 461].

На принудительное профессиональное обучение воспитанников колоний было направлено распоряжение МВД СССР от 9 сентября 1947 г. № 568 «Об отборе подростков из трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей и передачу их в школы ФЗО и специальные ремесленные училища» [3, с. 469]. Согласно данному распоряжению по спущенному сверху плану всем начальникам трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей предписывалось немедленно организовать отбор подростков и обеспечить их передачу в школы ФЗО и специальные ремесленные училища.

В 1949 г. были приняты указы и постановления, которые значительно смягчали режим для заключенных женщин и их детей. В частности, указ

Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1949 г. «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» постановлял освободить от дальнейшего отбывания наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 7 лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленное убийство, разбой, хищение социалистической собственности, совершенное повторно, организованной группой (шайкой) или в крупных размерах [3, с. 477]. Такое решение было принято в связи с высокими затратами на содержание детей. Указ президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1949 г. «О возрасте детей, которые могут находиться при осужденных материях в местах заключения» регламентировал, что заключенная женщина имеет возможность иметь при себе ребенка в возрасте до двух лет. Детей старше двух лет передавали либо родственникам, либо в детские учреждения Министерства просвещения и здравоохранения [3, с. 477—478].

С целью улучшения работы в детских учреждениях были разработаны директивы НКВД: от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью»; от 23 мая 1946 г. «О мероприятиях по предупреждению преступлений со стороны воспитанников детских трудовых и трудовых воспитательных колоний МВД» и др. [3, с. 451, 454—455]

Под особый контроль были взяты и детские дома. 4 декабря 1951 г. был опубликован приказ МВД СССР № 934 «С объявлением Постановления Совета Министров СССР от 26 ноября 1951 года № 4857 („О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы детских домов и усилению контроля за их учебно-воспитательной и финансово-хозяйственной деятельностью“)», а также приказ МВД СССР от 12 февраля 1954 г. № 59 «О мероприятиях по улучшению работы детских домов». Если в первом приказе отмечались такие нарушения, как передача другим организациям закрепленных за детскими домами зданий; отсутствие педагогического образования у директоров и воспитателей детских домов; растраты и хищения финансов, детского питания; слабая организация учебно-воспитательной деятельности, то во втором приказе — несвоевременное снабжение продуктами питания по утвержденным нормам; неустранение причин, вызывающих побег воспитанников из детских домов и детских приемников-распределителей; неудовлетворительное медицинское обслуживание детских домов; слабое трудоустройство и т. д. [3, с. 492—494, 507—510]

Советское государство решило проблему с беспризорностью и безнадзорностью только в начале 1950-х гг. Постановление Совмина СССР от 8 апреля 1952 г. № 1708 «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» закрепило правовые и организационные нормы, регламентирующие процесс от приема детей всех категорий и до их выпуска [3, с. 494—501].

28 января 1954 г. был опубликован приказ Минюста СССР и МВД СССР № 005/0041 «О передаче из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний», согласно которому на МВД СССР были возложены содержание, охрана и персональный учет всех осужденных к лишению свободы, организация и проведение исправительно-трудовых работ, а также содержание воспитанников детских воспитательных колоний и приемников-распределителей [3, с. 505].

В 1954 г. правовые ограничения были сняты и в отношении детей спецпереселенцев. Согласно приказу МВД СССР от 16 июля 1954 г. № 00597 «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев», с учета органов МВД были сняты дети спецпоселенцев всех категорий, родившиеся после 31 декабря 1937 г. Впредь они не подлежали никакому учету. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения бы-

ло разрешено выезжать в любой пункт страны. Зачисленных в учебные заведения снимали с учета спецпоселения по заключениям МВД — УМВД [3, с. 512].

В 1955 г. вышел ряд приказов МВД СССР, направленных на расширение сети детских колоний в связи с переполнением имеющихся. Как отмечалось в приказе МВД СССР от 10 ноября 1955 г. № 0535 «О расширении сети детских колоний и установлении лимитной емкости существующих детских колоний МВД СССР», «существующая сеть детских колоний не обеспечивает размещение поступающих из тюрем осужденных несовершеннолетних, а также детей и подростков, подлежащих направлению в воспитательные колонии, что влечет за собой переполнение многих детских колоний и ведет к нарушению правил содержания воспитанников, затрудняет организацию воспитательной работы, школьного и профессионального обучения» [3, с. 523—532]. Следует отметить, что расширение сетей произошло за счет передачи освободившихся лагпунктов и лаготделений ИТЛ.

Таким образом, четвертый этап существенно отличался от предыдущих. Безусловно, в первые годы после окончания войны режим для детей был достаточно строг. Сохранялся особый режим, вводились более суровые возрастные критерии и сроки наказания. Однако к концу 1940-х гг. наблюдается сокращение нормативных документов по репрессиям и применению строгих мер наказания в отношении детей. Государство стало принимать меры по улучшению содержания детей в колониях.

5 этап: 24 марта 1956 г. — 25 декабря 1958 г. Данный этап связан с ликвидацией «детского ГУЛАГа» и полным прекращением репрессий в отношении несовершеннолетних граждан Советского государства.

24 марта 1956 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления», который дал надежду осужденным за эти преступления на долгожданное освобождение. После этого указа под грифом «совершенно секретно» был опубликован приказ МВД СССР от 3 апреля 1956 г. № 0089 «О порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года „О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления“». Согласно указу освобождению подлежали все несовершеннолетние, а также беременные женщины и женщины с детьми. Было дано указание на трудовое устройство несовершеннолетних, освобожденных из детских трудовых колоний, а также на устройство их в средние школы, ремесленные училища и школы ФЗО до начала учебного года [3, с. 533—535].

19 июля 1956 г. приказом МВД СССР было принято новое положение о детских трудовых колониях, согласно которому был изменен возраст содержания в колониях до 18 лет, тогда как положения 1930—1940-х гг. возраст ограничивали 16 годами [3, с. 536—544].

Одним из признаков гуманизации законодательства в отношении детей явилось создание попечительского совета при детских колониях МВД СССР. В распоряжении МВД СССР от 4 августа 1956 г. № 240 отмечалось, что перед попечительским советом, являющимся органом общественности, стоит задача оказывать помощь детской колонии в улучшении воспитания, обучения и содержания воспитанников. Попечительский совет совместно с партийными, советскими, комсомольскими и профсоюзными организациями оказывал помощь колонии в улучшении постановки обучения и воспитания подростков, организации здорового и дружного детского коллектива, организации культурного досуга, развитии физкультуры и спорта и т. д. [3, с. 546—548]

25 декабря 1958 г. был принят Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик», который устанавливал

ливал возраст уголовной ответственности 16 лет. Лица в возрасте от 14 до 16 лет могли быть привлечены к уголовной ответственности только за совершение таких преступлений, как убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование и т. д. [17]

Таким образом, пятый этап был связан с прекращением репрессий в отношении детей. Женщины и дети, отбывавшие наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления, были полностью освобождены. Возрастные рамки детей, содержащихся в колониях, были изменены с 16 на 18 лет, а сроки наступления уголовной ответственности передвинуты с 14 на 16 лет. В целом в начале 1950-х гг. происходит зарождение целостной системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и защиты их прав, гуманизация законодательства об ответственности подростков, широкое применение к ним мер педагогического, воспитательного характера, усиление внимания к ранней профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, сокращение карательных мер, оказание социальной помощи детям в трудной жизненной ситуации.

Из сказанного следует, что укрепление советского режима осуществлялось за счет применения различных способов политической борьбы и репрессивных механизмов. Экономические и социально-политические мероприятия советской власти породили различные негативные последствия, в том числе сиротство, беспризорность, безнадзорность и преступность несовершеннолетних. В соответствии с режимом в педагогическом воспитании была избрана репрессивно-карательная модель, которая не щадила детей, а наоборот, приносили им моральные и физические страдания. С этой целью советскими органами была разработана специальная нормативно-правовая база, которая позволяла естественным образом признавать социально опасных детей изгоями общества и воспитывать их своими методами. Данная правовая база не только не соответствовала нормам и принципам международного права, но и шла вразрез с официальной советской правовой системой. Каждый этап имел свои отличительные черты. Если первый этап характеризовался началом формирования репрессивной нормативной базы в отношении детей, то второй этап, совпавший с периодом массового террора — утверждением и усилением репрессий, пик которых приходится на годы Великой Отечественной войны и период депортации. Начало гуманизации советского законодательства в четвертом и пятом периодах проявилось в послаблении карательных мер и разработке нормативных документов, направленных на свертывание репрессий и ликвидацию «детского ГУЛАГа».

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992. 907 с. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 10.07.2023).
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сборник документов за 1917—1947 гг. / сост. канд. пед. наук Н. И. Болдырев. М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 320 с.
3. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский и др. М. : МФД, 2002. 631 с.
4. Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних : постановление Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30 июля 1920 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_739.htm
5. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. Т. XII. Декабрь 1920 г. — январь 1921 г. М. : Политиздат, 1986. 428 с.
6. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. / предисл. Д. И. Курского. М. : Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК, 1924. 446 с.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. : офиц. текст с изм. на 1 июля 1950 г. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 256 с.
8. Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. М. : Издание ЦИК СССР, 1937. 37 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР : редакция 1926 г. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 78 с.
10. Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР : постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 1 авг. 1933 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 17.06.2023).
11. Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних: 1917—1953 : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 302 с.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939 : док. и материалы : в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929—декабрь 1930 / отв. ред. Н. Ивницкий. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 927 с.
13. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930—1940 гг. : в 2 кн. Кн. 1. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 912 с.
14. Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью : постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 25 нояб. 1935 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 28.04.2023).
15. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 726 с.
16. О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131175> (дата обращения: 28.04.2023).
17. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 21 декабря 1958 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5358.htm (дата обращения: 28.04.2023).

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az', 1992. 907 p. Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_a_d.txt (accessed: 10.07.2023).
2. Boldyrev N.I. (ed.). Direktivy VKP(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii: sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. [The directives of the CPSU(b) and the resolutions of the Soviet government on public education: a collection of documents for 1917–1947]. Moscow ; Leningrad, Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1947, 320 p.
3. Jakovleva A.N., Vilenskij S.S. (eds.). Deti GULAGa. 1918–1956 [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow, MFD, 2002, 631 p.
4. Instrukcija komissijam po delam o nesovershennoletnih : postanovlenie Narkomprosa RSFSR, Narkomzdrava RSFSR, Narkomjusta RSFSR ot 30 ijulja 1920 g. [Instructions to commissions on juvenile cases : resolution of the People's Commissariat of the RSFSR, People's Commissariat of Health of the RSFSR, People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated July 30, 1920], *Biiblioteka normativno-pravovyh aktov Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik* [Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_739.htm
5. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS, In-t istorii SSSR AN SSSR. Dekrety Sovetskoj vlasti. Vol. XII. Dekabr' 1920 g. – janvar' 1921 g. [Decrees of the Soviet government. Vol. XII. Dec. 1920–Jan. 1921]. Moscow, Politizdat, 1986, 428 p.
6. Kurskogo D.I. (ed.). Ugolovnyj kodeks RSFSR ot 1 ijunja 1922 g. [The Criminal Code of the RSFSR of June 1, 1922]. Moscow, Voennaja kolegija Verhovnogo tribunala VCIK, 1924, 446 p.
7. Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR of 1926]: ofic. tekst s izm. na 1 ijulja 1950 g. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit., 1950, 256 p.
8. Konstitucija Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik 1936 goda [The Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics of 1936]. Moscow, Izdanie CIK SSSR, 1937, 37 p.
9. Ugolovnyj kodeks RSFSR : redakcija 1926 g. [The Criminal Code of the RSFSR : revised in 1926]. Moscow, Jurid. izd-vo NKJu RSFSR, 1926, 78 p.
10. Ob utverzhenii Ispravitel'no-trudovogo kodeksa RSFSR [On the approval of the Correctional Labor Code of the RSFSR]: postanovlenie VCIK RSFSR i SNK RSFSR ot 1 avg. 1933 g. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (accessed: 17.06.2023).
11. Shutkova E. Ju. Sovetskie politicheskie repressii v otnoshenii nesovershennoletnih: 1917–1953 [Soviet political repression of minors: 1917–1953] : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2003, 302 p.

12. Ivnickij N. (ed.). Tragedija sovetsoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939] : dok. i materialy : v 5 t. T. 2. Nojabr' 1929 – dekabr' 1930. Moscow : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2000, 927 p.
13. Politburo i krest'janstvo: vysylka, specposelenie 1930–1940 gg. [The Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement of 1930–1940] : v 2 kn. Kn. 1. Moscow : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2005, 912 p.
14. Ob izmenenii dejstvujushhego zakonodatel'stva RSFSR o merah bor'by s prestupno-st'ju sredi nesovershennoletnih, s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju [On the amendment of the current legislation of the RSFSR on measures to combat juvenile delinquency, child homelessness and neglect] : postanovlenie VCIK RSFSR i SNK RSFSR ot 25 nojab.1935 g., *Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR* [Library of normative Legal Acts of the USSR], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (accessed: 28.04.2023).
15. Istorija stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s] : sobr. dok. v 7 t. T. 1. Massovyje repressii v SSSR [Mass repressions in the USSR]. Moscow, ROSSPJeN, 2004, 726 p.
16. O primenenii sudami Postanovlenija CIK i SNK SSSR ot 7 aprelja 1935 g. «O merah bor'by s prestupnost'ju sredi nesovershennoletnih» : ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta CCCP ot 7 ijulja 1941 g. [On the application by the courts of the Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR dated April 7, 1935 "On measures to combat juvenile delinquency"], *Jelektronnaja biblioteka istoricheskikh dokumentov* [Electronic Library of Historical documents], [sajt]. Available at: [<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131175>] (accessed: 28.04.2023).
17. Ob utverzhenii Osnov ugolovnogo zakonodatel'stva Sojuza SSR i sojuznyh respublik [On the approval of the Fundamentals of the Criminal legislation of the USSR and the Union Republics]: Zakon SSSR ot 21 dekabnja 1958 g., *Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR* [Library of normative Legal Acts of the USSR], [sajt]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5358.htm (accessed: 28.04.2023).

Информация об авторах

Абдрахманова Кымбат Казалиевна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Сактаганова Зауреш Галимжановна — доктор исторических наук, профессор-исследователь кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан. E-mail: zauresh63@mail.ru

Information about the authors

Kymbat K. Abdrakhmanova — candidate of historical sciences, associate professor of the department of archeology, ethnology and national history, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Zauresh G. Saktaganova — doctor of historical sciences, research professor of the Department of Archeology, Ethnology and National History, Karagandy Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan. E-mail: zauresh63@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.